

Социальный контекст метиса и его разрушение

Выполняя полевые исследования в маленькой деревне в Малайзии, я постоянно поражался широте навыков моих соседей и их казуальному знанию местной экологии. Показателен такой случай. На огороженном участке вокруг дома, где я жил, росло примечательное в этой местности манговое дерево. Родственники и знакомые обычно приходили в гости, когда фрукты созревали, надеясь получить несколько плодов и, что более важно, возможность сохранить и посадить косточки манго рядом с собственным домом. Однако незадолго до моего прибытия на дерево напали большие рыжие муравьи, которые портили большинство плодов прежде, чем они успевали созреть. Казалось, что ничем невозможно было помочь, кроме как поместить каждый плод в мешок. Несколько раз я видел пожилого главу дома Мат Иса, приносящего к основанию мангового дерева высушенные ветви нипаховой пальмы и проверяющего их. Когда я наконец решил выяснить, чем же он занимается, он объяснил мне, но с видимой неохотой, поскольку, на его взгляд, тут не о чем было говорить. Он знал, что маленькие черные муравьи, которые жили повсеместно в задней части огороженного участка, были врагами больших рыжих муравьев. Он знал также, что тонкие, подобные остриям копья листья нипаховой пальмы, упав с дерева и засохнув, сворачивались в длинные жесткие трубки. (Кстати, местные жители использовали эти листья в качестве курительных трубок.) Он знал также, что такие листовые трубки обычно были идеальным местом для маток колоний черных муравьев при откладывании яиц. Уже несколько недель он клал высушенные ветви нипаховой пальмы с листьями в нужных местах, пока у него не набралось множества яиц с готовыми вылупиться черными муравьями. Тогда он положил ветви с листьями, наполненными яйцами, около манго и стал очевидцем итогового Армагеддона сроком в неделю. Несколько соседей, многие из них скептически настроенные, и их дети пристально следили за ходом муравьиного сражения. Хотя черные муравьи были в половину меньше и даже более того, они в конце концов возобладали над рыжими муравьями и завладели землей в основании мангового дерева. Поскольку черные муравьи не интересовались листьями или плодами манго, пока плоды еще висели на дереве, урожай был спасен.

Этот успешный полевой эксперимент по биологической защите от вредителей предполагает наличие определенных познаний о среде обитания и пище черных муравьев, их способах кладки яиц, о соображениях относительно того, какой материал можно использовать в качестве переносных камер для яиц, и знание об отношениях между красными и черными муравьями. Мат Иса объяснил, что подобные знания, относящиеся к практической энтомологии, довольно широко распространены, по крайней мере, среди его пожилых соседей, и люди помнили, что нечто вроде такой стратегии помогало один или два раза в прошлом. И мне совершенно ясно, что никакой официальный консультант по вопросам сельского хозяйства и не подумал бы о муравьях, не говоря уже вообще о биологическом

методе борьбы с вредителями — большая часть сельскохозяйственных консультантов выросла в городе и в основном интересовалась рисом, удобрениями и ссудами. И при этом большинство их и не подумало бы посоветоваться с людьми; ведь, в конце концов, именно они были экспертами, обученными для обучения крестьян. А подобное знание приобретается и хранится пожизненно, это – наблюдения постоянного сообщества, итог опыта многих поколений, люди обмениваются такими знаниями и сохраняют их.

Единственная цель этой иллюстрации – поставить вопрос о социальных условиях, необходимых для воспроизводства сопоставимого практического знания. Эти социальные условия, как минимум, требуют заинтересованного сообщества, накопленных знаний и постоянно продолжающегося экспериментирования. Иногда существуют формальные организации, которые кажутся почти идеально структурированными для собрания и обмена практической информацией, такие, как *veillles* во Франции девятнадцатого века. *Veillee*, как видно из названия, были традиционными посиделками, проводимыми фермерскими семьями в течение зимних вечеров, часто в сараях, чтобы использовать тепло помещения, согретого домашним скотом и, таким образом, сэкономить на топливе. Не имея определённой повестки дня за исключением социальных и экономических вопросов общины, эти посиделки представляли местные собрания, где шёл обмен мнениями, историями, сельскохозяйственными новостями, советами, сплетнями и религиозными рассказами или народными сказками, в то время как люди лущили орехи или занимались рукоделием. Учитывая тот факт, в что каждый член сообщества имел большой жизненный опыт целенаправленного наблюдения и практики, приобретаемый каждым семейством в процессе своих хозяйственных решений, эти посиделки представляли запланированный ежедневный семинар по практическому знанию.

Это напрямую подводит нас к двум из больших парадоксов метиса. Первый состоит в том, что метис не распределяется демократически. Он не только зависит от способности к восприятию, сноровки, которая не может быть присуща всем, но также и от доступа к опыту и практике, необходимым для его приобретения, которые могут оказаться ограниченными. Ремесленные гильдии, талантливые мастерские, определённые общественные слои, религиозные братства, целые сообщества и вообще люди часто относятся к некоторым видам знания, как будто они имеют монополию на них, которую отказываются разделять с другими. Лучше сказать, что доступность такого знания для других сильно зависит от социальной структуры общества и преимуществ, которую даёт монополия на некоторые формы знания[866]. В этом отношении метис не унитарен, и мы, возможно, должны говорить о разных видах метиса, признавая его неоднородность. Второй парадокс состоит в том, что, каким бы пластичным и восприимчивым ни был метис, развитие и передача некоторых его форм кажутся зависимыми от ключевых моментов жизни доиндустриального общества. Сообщества, маргинальные для рынков и государства, наверняка сохраняют высокий уровень метиса — у них нет другого выбора, они должны в значительной мере полагаться на свои собственные знания и подручные материалы. Если бы, делая покупки в местном магазине или при посещении ассоциации фермеров, Мат Иса нашел дешевый пестицид, который покончил бы с красными муравьями, он, без сомнения, использовал бы его.

Некоторые формы метиса исчезают на глазах[867]. Так как средства передвижения людей, товарные рынки, формальное образование, профессиональная специализация и средства массовой информации достигли даже наиболее удаленных сообществ, подорваны социальные основы его развития. Можно только приветствовать, причем с большими основаниями, исчезновение великого множества некоторых местных знаний. Как только спички стали широкодоступными, с чего бы вдруг кому-то захотелось узнать, кроме как из праздного любопытства, как высечь огонь с помощью кремня и трута? Умение отстирывать одежду с помощью стиральной доски или на камне на реке требует несомненного искусства, но его с удовольствием потеряли те, кто может позволить себе купить стиральную машину. Подобным же образом и без большой ностальгии были забыты навыки штопки, когда на рынке появились дешевые носки машинной вязки. Старые бугисские моряки говорят: «Теперь, имея таблицы и компасы, *любой* может управлять судном»[868]. Действительно, почему нет? Производство стандартизированного знания сделало некоторые навыки более доступными, поскольку они уже не являются заповедной зоной гильдии, которая может отказать в допуске к ним или настаивать на долгом ученичестве[869]. Многое из мира метиса, что мы потеряли, есть почти неизбежный результат индустриализации и разделения труда. И многие из этих потерь были осознаны как освобождение от тяжелого труда и нудной работы.

Но было бы серьезной ошибкой полагать, что разрушение метиса — непреднамеренный и неизбежный побочный продукт экономического прогресса. Разрушение метиса и замена его стандартизированными формулами, узаконенными сверху, входит в проект действия и государства, и крупномасштабного бюрократического капитализма. Говоря о «проекте», заметим, что это скорее объект постоянных инициатив, которые никогда не были полностью успешны, потому что ни одна форма производства или социальной жизни не может быть приведена в действие одними формулами, т. е. без метиса. Однако движущая цель проекта отражает логику контроля и присвоения. Местное знание ввиду его рассредоточенности и относительной независимости позволяет все, кроме регламентации. Сокращение или, что более соответствует утопической картине, устранение метиса и местный контроль, который следует за этим, и есть предпосылки проектов государства, административного порядка и финансового управления, а также трудовой дисциплины и прибыли, если речь идет о крупной капиталистической фирме. Подчинение метиса довольно легко видеть в развитии массового производства на фабрике. Я полагаю, что сопоставимый процесс деквалификации рабочей силы в сельскохозяйственном производстве труднее преодолеть и, учитывая препятствия на пути полной стандартизации, в конечном счете, менее успешен.

Как убедительно показал в одной из ранних работ Стивен Марглин, капиталистическая прибыль требует не просто эффективности, а *комбинации* эффективности и контроля[870]. Решающие инновации разделения рабочей силы на уровне комплектующих изделий и концентрация производства на фабрике — ключевые шаги в постановке трудового процесса под унитарный контроль. Эффективность и контроль, в принципе, могли бы совпадать, как, например, в случае механизированного прядения и плетения из хлопка. Однако иногда они абсолютно не связаны и даже несовместимы. «Эффективность в лучшем случае создает *потенциальную* прибыль, — замечает Марглин. — Без контроля капиталист не может превратить эту прибыль в реальную. Таким образом, организационные формы, которые усиливают капиталистический контроль, могут увеличивать прибыль и тем самым

привлекать капиталистов, даже если они неблагоприятны для производительности и эффективности. Наоборот, более действенные пути организации производства, уменьшающие капиталистический контроль, могут в результате сократить прибыль и поэтому отвергаться капиталистами»[871]. Типичная структура кустарного производства часто служила для эффективности. Но она почти *всегда* была помехой для капиталистической прибыли. На выходе текстильного производства, которое преобладало до фабричной организации, те, кто обрабатывал хлопок, имели контроль над ним, могли устанавливать темп работы и увеличивать свой оборот путем различных стратегических приемов, которые трудно поддавались контролю. Решающее преимущество фабрики, с точки зрения хозяина, состояло в том, что он непосредственно мог устанавливать часы и интенсивность работы, а также контролировать сырье[872]. Уровень, до которого все еще могло организовываться эффективное производство на ремесленной основе (по типу раннего производства шерсти и шелка, согласно Марглину), не устраивал капиталиста, ставящего целью получение прибыли от рассеянного ремесленного населения.

Фредерик Тейлор, гений современных методов массового производства, с большой отчетливостью представлял конечный результат разрушения метиса и превращения сопротивляющегося якобы независимого ремесленного населения в более подходящие единицы или «рабочие руки». «Под научным управлением... руководители понимают.. бремя общего сбора всего традиционного знания, которым обладали рабочие в прошлом, а затем классификации и сведения этого знания к правилам, законам, формулам... Таким образом, все технологические наработки, которые были у рабочих при старой системе, при новой системе должны быть рассмотрены управляющей структурой в соответствии с научными законами»[873].

На тейлористской фабрике только управляющий имел доступ к знанию и управлению всем процессом, а роль рабочего была сведена к выполнению небольших, часто минутных операций общего производства. Производительность зачастую была поразительно высокой, как на первых заводах Форда; однако всегда контроль и получение прибыли оставались наибольшим преимуществом[874].

Утопическая мечта тейлоризации — фабрика, в которой движения каждой пары рук сводились к автоматизму, как у запрограммированных устройств, — на деле оказалась нереализуемой. И не потому, что не делалось попыток. Дэвид Нобл описал хорошо профинансированный проект разработки станков с цифровым управлением, так как он обещал «освобождение от рабочего-человека»[875]. Потому и произошел полный провал этих попыток, что при разработке системы Тейлора не учитывался метис — практическое приспособление опытного рабочего, направленное на компенсацию небольших изменений в материале, температуре, износа или неисправности механизма, технических сбоев и т. д. Один оператор сказал: «Думают, что цифровые средства управления — это какое-то волшебство, но все, что вы можете сделать автоматически, так это только выпустить брак»[876]. Это заключение можно обобщить. В блестящем описании рутинной работы станочников, чьи профессии, казалось, были полностью деквалифицированными, Кен Кастерер показал, как рабочим все же пришлось развить индивидуальные навыки, которые совершенно необходимы для успешного производства, но никогда не могут быть выражены в руководствах для новичков. Один станочник, чья работа считалась

малоквалифицированной, провел аналогию между выполнением своей работы и вождением автомобиля: «Все автомобили в основном похожи, но каждый автомобиль своеобразен... В начале обучения вы просто изучаете правила движения. Но как только вы научились ездить, вы приобретаете чувство автомобиля, которым управляете. Вы понимаете, как он ведет себя при различных скоростях, как работают тормоза, когда мотор начинает перегреваться, как завести его, когда холодно... Теперь, если представить себе старые автомобили, похожие на эти станки, причем некоторые из них работали по три смены в течение 20 лет, это будет похоже на то, как если бы у вас был автомобиль без гудка, который начинает поворачивать направо, когда вы нажимаете на тормоз, который не заводится, если вы не зальете бензин определенным образом, — тогда, возможно, вы поймете, что значит пытаться работать на таком старом станке»[877].

Тейлоризация имеет свой аналог и в сельскохозяйственном производстве, аналог с длинной и разнообразной историей. В сельском хозяйстве, как и в промышленности, просто эффективность формы производства не гарантирует присвоения налогов или получения прибыли. Как мы уже отмечали, независимое хозяйство мелкого фермера может представлять наиболее эффективный способ выращивания многих культур. Но такие формы сельского хозяйства, хотя и допускают налогообложение и получение прибыли после полного сбора, обработки и продажи своей продукции, относительно непроницаемы и трудны для контроля. Как это уже было с независимыми ремесленниками и мелкобуржуазными владельцами магазинов, контролирование коммерчески успешных мелких ферм представляет собой кошмар для администратора. Возможностей для уклонения и сопротивления масса, а цена получения точных ежегодных данных очень уж высока, если вообще не чрезмерна[878].

Государство, заинтересованное главным образом в присвоении и контроле, всегда предпочтет оседлую форму сельского хозяйства пастбищному хозяйству или переложному земледелию. По тем же причинам государство вообще предпочитает крупную земельную собственность мелкой и, в свою очередь, плантации или коллективное сельское хозяйство им обеим. Там, где контроль и присвоение являются наиважнейшими соображениями, очевидно, что только две последние формы предлагают прямой контроль над рабочей силой и доходом, возможность выбора культур и методов их возделывания и, наконец, прямой контроль над продукцией и прибылью хозяйства. Хотя, как мы уже знаем, коллективные хозяйства и плантации редко бывают эффективными, они представляют наиболее четкие, прозрачные и потому облегчающие присвоение формы сельского хозяйства.

Крупный капиталистический сельскохозяйственный производитель стоит перед той же проблемой, что и владелец фабрики: как преобразовать ремесленную или метисную науку фермеров в стандартизированную систему знаний, которая позволит ему больше контролировать работу и ее интенсивность. Одним из решений были плантации. В колониальных странах, где здоровых мужчин насильно вербовали на работы, плантации представляли своего рода частные коллективные хозяйства, которые для управления рабочей силой полагались на государственные вне рыночные санкции. Не одна плантация, потерпев неудачу в эффективности, восполняла ее, используя свои политические связи, чтобы получить гарантированные субсидии, ценовую поддержку и монополистические привилегии.

Контроль на плантациях, не говоря уже о коллективном хозяйстве, влек за собой (за небольшими исключениями) такие высокие издержки жесткого надзора и расходов, что оказался неэффективным. Теперь, когда ведение сельского хозяйства на плантациях уже дискредитировано, поучительно рассмотреть некоторые более современные альтернативы, отражающие такой же контроль и стандартизацию, поскольку они высвечивают функциональное подобие, которое может принимать различные формы[879]. Повсеместное внедрение контрактного сельского хозяйства — только один из показательных примеров[880]. Когда фермеры, занимающиеся разведением цыплят, поняли, что выращивать их централизованно и в большом количестве не только неэффективно, но и связано с серьезными заболеваниями и проблемой сохранения окружающей среды, они изобрели своего рода высокотехнологичную систему производства[881]. Большая фирма заключает с фермером контракт на поставку цыплят, а затем (по прошествии приблизительно шести недель) выкупает у него птицу, соответствующую стандартам. Фермер, в свою очередь, обязан построить и оплатить ферму, которая соответствует общей спецификации, а также согласно точному расписанию, предписанному корпорацией, кормить, поить и вводить в рацион цыплят лекарственные средства. Договор часто пересматривается. Для корпорации преимущества огромны: она не рискует никаким капиталом, кроме вложенного в стоимость цыплят; ей не требуется никакой собственной земли; ее расходы по управлению малы; она получает одинаково стандартную продукцию и, что немаловажно, без ущерба для себя может отказаться возобновить контракт или изменить цену после каждого раунда соглашения.

Логика, хотя не сама форма, подобна той, что существовала на плантации. Согласно потребности внутреннего или международного рынка корпорация нуждается в абсолютной гарантируемой однородности и надежности поставки продукции[882]. Необходимость управления производством стандартных цыплят во многих разных местах требует, чтобы стандарты были видны на глаз и их можно было легко объединить. Как мы видели в случае научного лесоводства, это не просто вопрос разработки мер оценки, точно передающих факты, которые отражают основной производственный цикл и могут быть переданы руководителям. Это прежде всего вопрос изменения среды в таком направлении, чтобы она была стандартизирована с самого начала. Только стандартизированное разведение птицы, здание фермы, удовлетворяющее требованиям спецификации, фиксированный режим и оговоренное расписание кормления, предусмотренные контрактом, позволяют одному специалисту проинспектировать сотню ферм по выпуску цыплят, скажем, для компании «Кентуки Фрайд Чикен» и убедиться, что отклонения от стандарта минимальны. Можно даже представить себе удобный бланк для проверки. Цель контрактного хозяйства состоит совсем не в том, чтобы понять особенности фермы и приспособиться к ним; скорее оно стремится преобразовать ферму и ее работников с самого начала так, чтобы они соответствовали сетке контракта.

Фермеры, которые подписывают контракт, пока он в силе, могут получить прибыль, хотя и при значительном риске. Контракты краткосрочны, календарные планы работ детализированы, процесс поставок оговорен. Фермеры, работающие по контракту, теоретически являются предпринимателями мелкого бизнеса, но эта теория не отражает того факта, что они рискуют своей землей и постройками, что они не больше располагают своим временем, чем рабочие сборочного конвейера.

Версия #1

Зверобой создал 12 апреля 2025 22:01:20

Зверобой обновил 12 апреля 2025 22:01:44